

REIZ BIJA...

Pasakas / Сказки

GAILĪTIS UN VISTIŅA

Kādreiz gailītis teicis vistiņai: „lesim riekstot, uz kalniņa ir pilna lazda ar riekstiem!'

Vistiņa atteikusi: „lesim!"

Un abi aizgājuši. Gailītis uzkāpis lazdā, un vistiņa apakšā gaidījusi. Te rieksts, krizdams zemē, skrējis taisni vistiņai acī, acs ārā.

Ko nu? Vistiņa nu iet pie kunga sūdzēt. Kungs nu sauc gailīti, kādēļ vistiņai acs izsitis. Gailītis saka: „Es jau neesmu vainīgs, kāpēc lazda kustējās?"

let pie lazdas, tā saka: „Kāpēc kaza manu mizu grauza?"

let pie kazas , tā saka: „Kāpēc gans mani neganīja?"

let pie gana, tā saka: „ Es jau būtu ganījis, bet saimniece apsolija dot raušus līdz, bet nedeva!"

Saimniece saka: „Es jau raušus būtu izcepis, bet pagāna cūka izēda miklu!"

Atnāk cūka un sāk stāstīt savas vainas. Kungs vairs nevar noklausīties un kliedz: „Ejta ratā ar sām savām vainām! Cūka beidzamā, lai samaksā par aci!"

P. Šm. T, 119, 2, Riga

SAULE, SALS UN VĒJS

Tas noticis sen senos laikos. Saule, Sals un Vējš gājuši kopā pa vienu ceļu, un iedami visi trīs savā starpā sarunājušies. Saule saka:

„Es esmu stiprāka par jums abiem.”

Sals saka: „Nē! Es esmu stiprāks.”

Visi atzīstās, ka stiprajam ir labi pasaulē dzīvot: lai tas iet kur iedams, visi no viņa bīstas. Bet kā nu lai izšķir, kurš ir tas stiprākais? Ejot viņi satiek vienu cilvēku. Tas, redzēdams trīs ceļa gājējus, nonem cepuri, paklanās un iet tālāk savu ceļu. Viņš vēl nebija necik tālu pagājis, kad ceļa gājēji sauc to atpakaļ. Viņi grib zināt, pret ko gan isti cilvēks paklanījies, jo laikam taču ne pret visiem trim. Tā nu šie jautā: „Saki tu, cilvēks, mums taisnību, pret kuru no mums trim tu paklanījies, laikam jau ne pret visiem trim kopā.”

Cilvēks domāja, domāja, bet nezināja, ko atbildēt. Sacīt, ka pret visiem trim, nezin, vai tas būs labi. Ja sacīs, ka pret vienu, tad nezin, pret kuru būtu labāk. Saule var stipri karsēt, Sals var stipri saldēt, un Vējš var izkaltēt zemi. Kam nu dot to godu? Beidzot viņš sadomāja: „Vai nebūs labāk, ja sacīšu ka Vējam? Lai Saule ir cik karsta būdama, bet, kad Vējš sāk pūst, tūliņ laiks paliek vēsāks. Lai arī Sals var stipri saldēt, bet, kad Vējš sāk pūst no dienvidu puses, tūliņ paliek siltāks.” Tā apdomājies, viņš saka: „Es paklanījos pret Vēju.”

Saulei tas nepatika, un viņa piedraud cilvēkam: „Tu to pieminēsi visu savu mūžu, kā tu Vēju atzini par labāku.”

Bet Vējš mierina cilvēku, sacīdams: „Nebaides tu ne no Saules, ne no sala! Ja viņi gribēs tev ko ļauju darīt, tad piemini tikai mani!”

Vasarā Saule sadomā cilvēkam atriebties un sūta savus starus uz cilvēku, cik vien viņai bija karstuma. Cilvēkam paliek tik karsti, ka nezin vairs, kur dēties: nearā, ne istabā nav spirtuma. Jāiet ūdeni glābties, bet cik ilgi ūdeni sēdēsi? Te cilvēkam ienāk prātā Vējš, un viņš nosaka: „Kaut jel vējiņš sāktu pūst, nebūtu vairs tik karsti!” Tūliņ Vējš sāka pūst no ziemeļu puses, un tajā pašā brīdī laiks palika vēsāks. Cilvēks sāka atkal strādāt savu darbu, un Saulei bija jāatzīstas, ka Vējš ir tomēr stiprāks.

Ziemā atkal Sals gribēja atriebties cilvēkam un uzsūtīja tādu aukstumu, ka, pat istabā sēdot, bija kažoks jāvelk mugurā. Cilvēks nu atkal atminējās Vēju un sacīja: „Kad jel Vējš sāktu pūst, tad arī mākoņi sāktu staigāt un aukstums paliktu mazāks.” Tūliņ arī Vējš sāka pūst no dienvidu puses, sacēlās sniega putenis, un aukstums uzreiz palika mazāks. Cilvēks izgāja no savas istabas un aizbrauca uz mežu pēc malkas. Nu arī Sals redzēja, ka Vējš ir par viņu stiprāks un ka ar to viņš nevar spēkoties. Cilvēks varēja mierigi braukt uz mežu un strādāt savu darbu. Satiekoties ar sauli, Vējš sacīja:

„Stiprāks ir tas, kas nelielās ar savu spēku. Tikai darbā var redzēt, kam ir vairāk spēka.”

ABRU TAISĪTĀJS

Reiz dzīvoja viens abru taisītājs, kuram pietrūka maizes. Arī kaimiņš tam par velti negribēja ītot, bet lika uztasīt abru. Abra bija gatava, un vīriņš to gribēja aiznest kaimiņam. Laiks bija ļoti arsts, vecais nespēja panest, tādēļ nolikās ozolu mežā zem abras gulēt.

Pēc maza laiciņa atskrēja zāķis, izbrīnījās par skaisto galdiņu, kam nekā nebija virsū. Atskrēja apsa, kura nosēdās uz abras zāķim blakus un brīnījās par skaisto galdiņu, kam nekā nebija virsū. Atskrēja arī vilks, nosēdās lapsai blakus un brīnījās par skaisto galdiņu, kam nekā nebija virsū. Beidzot atnāca lācis, nosēdās vilkam blakus un brīnījās par skaisto galdiņu, kam nekā nebija virsū.

Visi sēdēja kādu laiciņu, kamēr beidzot lācis sacīja, ka mežā zinot bišu stropu, vilks sacīja, ka inot kūti aunu, lapsa sacīja, ka zinot zosu tēviņu, un zāķis sacīja, ka zinot kāpostu galviņu. Nu visi olījās atnest savu laupījumu un arī atnesa.

Te abrinieks apgriezās uz otriem sāniem, un abra pakustējās. Visi sabīstas, bet ēd tālāk, amēr abrinieks pakustina abru stiprāk. Nu visi aizbēg, un vecajam abriniekam paliek daudz ko st. Par abru arī dabūja maizi un nu palika par iztikušu vīru.

P. Šm. I, 80, 3, Rūjiena

TRĪS BRĪNUMA LIETAS

Vienam kēniņam senāk bijuši trīs dēli: divi gudri, viens muļķītis.

Kēniņam bija liels dārzs un dārza vidū ābele ar zelta āboliem. Reiz kēniņš mana, ka ābelei āk katru rītu trūkt āboli. Viņš raida vecāku dēlu ābeli sargāt. Tas sarga, sarga, bet, kad pienāk pusnakts, – aizmieg. No rīta atrod: ābelei trūkst vairāk āboli.

Nākamo nakti bija otra dēla reize, tas arī aizmiga nenosargājis.

Tad nāca muļķīša reize. Ap pusnakti viņš iekāpa ābelē, kur auga zelta āboli, un ielika spīles cīs, lai neaizmigtu.

Ap pusnakti atlaižas trīs baloži un pārvēršas par trīs skaistām jaunavām. Visas plūc ābelē abolus, bet muļķītis paņem no vienas jaunavas spalvas un iet pie ābeles, kur jaunavas plūc ābolus. Viņas izbīstas un dodas pie savām spalvām, lai varētu atkal pārvērsties par baložiem un aizlaisties projām. Neatradušas viena baloža spalvas, jaunavas lūdzas muļķīti, lai atdodot tās, bet viņš liezdzas lot. Lai apsoloties teikt, kur dzīvojot, tad atdošot. Jaunavas nu arī izstāstījušas, kur dzīvojot. Muļķītis atdevis spalvas, un baloži aizlaidās projām.

No rīta muļķītis stāstīja tēvam, ko redzējis. Tad viņš pošas ceļā uz to zemi, kur baloži izlaidušies. Nonācis kādā mežā, viņš atrada divus brāļus kīldojamies par vieniem zābakiem. Viņš prasījis: „Kādēļ kīldojaties?“

Brāļi izstāstījuši, ka tie neesot vis vienkārši zābaki, bet ar tiem varot sasniegt veselu jūdzi, ja perot vienu pašu soli.

Muļķītis teica: „Iedod man pamēģināt!“

Uzmaucis kājās, viņš aizgāja prom, atstādams brāļus izšķirtus.

Norācis cīta lieža, viļjs atrada atkal divus brajus cīnoties ap vienu nūju. Muļķitis prasa:

„Kādēļ jūs tā cīnāties par vienu nūju?”

Brāļi izstāstīja, ka ar nūju varot nonāvēt visu, kam tik ar to piedurot. Muļķitis prasa, lai parādot viņam ar’ to nūju. Brāļi iedot arī. Paņemis nūju, muļķitis kāpa ar jūdzes zābakiem tālāk.

Nonācis trešā mežā, atrada divus brāļus cīnāmies pēc vecas vijoles. Muļķitis prasa, kā viņiem tikot par niekiem cīnīties.

Brāļi izstāstīja, ka tā nav vis vienkārša vijole, bet ar to varot katru mironi uzmodināt.

Muļķitis prasīja: „Dodat man ar ‘paspēlēt!’”

Brāļi arī iedod vijoli, bet muļķitis tikai paņem un aiziet. Nu viņš aizgāja uz to vietu, kur dzīvoja trīs baložu jaunavas, kuras mita kopā ar milžiem. Muļķitis devās namā iekšā, bet vārtu sargs tam uzsauca: „leksā gan tiksi, bet ārā vairs ne.”

Muļķitis neklausījās viņa runā, bet devās tikai iekšā beidzām kambari. Tur nu viņš arī satika tās trīs meitas, kas bija zagušas zelta ābolus. Meitas ļoti žēlojās, ka viņš būšot pagalam, kad pārnākšot milzis ar trim galvām. Pēc brīža muļķitis aizgāja aiz durvīm, kur milzim vajadzēja nākt iekšā, un turēja savu nūju, lai varētu uzņemtie cīņu ar milzi.

Pēc kāda laika atrāca milzis ar trim galvām, bet durvis muļķitis piedūra tam ar nūju, un milzis bija tūliņ beigts.

Pēc kāda laika atrāca otrs milzis ar sešām galvām un skrēja iekšā pie meitām, bet muļķitis arī to turpat durvis nonāvēja kā pirmo.

Pēc brīža ieradās arī trešais milzis ar deviņām galvām un briesmīgi kliedza, kur palikuši viņa dēli. Muļķitis ar nūju nosita milzim sešas galvas, bet milzis nu palika ļoti nikns sāka briesmīgi cīnīties. Beidzot muļķitīm izdevās aizbēgt. Milzis pa to laiku nogalināja meitas un dzīnās muļķitīm pakaļ. Muļķitis pa tam bija atpūties un nu nosita milzim arī palikušās trīs galvas. Tad viņš aizgāja pie nogalinātām meitām un ar vijoles palīdzību atdzīvināja atkal visas trīs jaunavas. Jaunāko meitu, kuras spalvas viņš paņemis, muļķitis tagad apprecēja un dzīvoja laimīgi.

P. Šm. VI, 15, 3, Nica

KĪSELI ĒDU

Kādai mātei bija dēls. Kad vien tas no kurienes pārnāca, tā māte tūdaļ vaicāja:

– Ko tev, dēļiņ, deva ēst?

Dēls allaž pastāstija, kāds cienasts bijis. Reiz ciemā viņu pamieloja ar kīseli. Dēls nekad vēl nebija tāda ēdiena ēdis un tāda vārda dzirdējis. Uz māju ejot, viņš viesu laiku daudzināja, lai nepiemirstos:

– Kīseli ēdu! Kīseli ēdu!

Celjā pagadījās grāvis. Kā lēca dēls pār grāvi, tā uzreiz aizmirsa daudzināto vārdu. Skatās dēls grāvi – nekā nerēdz, ūdens vien. Sāka maisīt ar roku pa grāvja dibenu. Maisīja, maisīja labu laiku. Te piebrauc kungs un jautā:

– Ko tu te meklē?

– Meklēju dārgas mantas, – dēls atbild. – Lēkdams par grāvi pazaudēju un nu nevaru atrast. Kungs domā: „Varbūt puika patiešām pazaudējis kādu dārgu mantu.”

- viņš arī stājas pie meklēšanas. Maisa nu abi, ka dubļi vien šķakst, notriepusies, taisni, ka negals. Te piejāj vagars.
- Ko jūs te meklējat, lielskungs?
 - Stājies vien arī tu pie meklēšanas, te iekritušas dārgas mantas.
- Ņemas nu visi trīs, jāsaka, sviedriem vaigā. Te piebrauc mācītājs.
- Ko jūs te meklējat, mani bērni?
 - Dārgas mantas, – kungs atbild. – Stājieties vien rindā!
- Sāk arī mācītājs pa grāvi jaukties un sauc vēl savu kučieri talkā. Tas pienāk un paskatās grāvī
- dūņas sasistas vai putās.
- Tad nu gan sakūluši kā ķīseli! – kučieris nosaka.
- Dēls, izdzirdis šos vārdus, mudīgi no grāvja laukā un aizskrien, saukdams:
- ķīseli ēdu! ķīseli ēdu!
- Šie visi paliek, rokas plātīdami.

Zelta tīnīte, 64

LABAM LABA ALGA

Reiz dzīvoja kaimiņos divi brāļi. Viens bija bagāts, bet otrs nabags. Kādu vakaru pie bagātā
brāļa atnāk sirms vecītis un lūdz naktsmājas. Tā un tā. Šim neesot, lai ejot pie kaimiņa. Labi. Vecītis
aizgāja pie nabaga un lūdz naktsmājas.. „Labprāt!” nabags atbildēja.. „Ko dievs devis, to celsim
ciemiņam priekšā.”

Vecītis paēda un likās gulēt, bet no rīta, projām iedams, patencinājies un sacījis: „Ko tu sāksi
no rīta darīt, to darīsi visu dienu.”

Nabagam bija stellēs ielikta vadmalā. No rīta nabags, līdz ar gaismiņu uzcēlies, nems
vadmalu no stellēm. Bet brīnumu! Vadmalai nav gala! Strādāja vīrs nosvīdis līdz pusdienai- istaba
au pilna, bet vēl vadmalai nav gala. Vakarā nabags izbrauca uz pilsētu un pārdeva vadmalu par
ielu naudu.

Nabags aizsūtīja dēlu pēc sieka pie brāļa, ko naudu mērit. Bagātais atnesa pats sieku un
prašnāja brāli, kā šis tik bagāts tapis. Brālis arī izstāstīja, kas šim gadījies. Nu brālis kā aizdedzis
prom uz mājām un cepa un vārja visu dienu. Pie vakara bagātais sagaidīja vecīti kā augstu viesi,
bet vienmēr mudināja, lai ejot gulēt. No rīta bagātais sagaidīt vien nevar, ka nabadziņš aizietu.
Beidzot nabags sacīja: „Ko tu sāksi darīt no paša rīta, to darīsi visu dienu!”

Bagātais nepasacīja ne paldies un aizskrēja ar sievu uz klēti. Tūlit šie atvēruši naudas lādei
vāku un sāks naudu skaitīt. Te bagātajam ieniežējusies mugura.

Viņš piegāja pie durvju stenderes un kasījis muguru. Tiklidz domāja, ka pietiks kasīties –
netiek no stenderes nost. Gan bagātais spārdījās un kliedza, bet nekas nelidzēja. Tā bagātajam
vajadzēja pie stenderes visu dienu nostāvēt.

P. Šm. IX. 34, 4, Aizputes apr.

LAIMA UN DIVAS MATES

Kāda māte reiz kasusi sienu pjavā. Darbs bijis steidzams, tādēļ savu mazo bērniņu nolikusi purva vidū, ietinusi lakanā, lai ir mierīgs un guļ. Nomutējusi un steigā pie sienas grābšanas.

Drīz uznācis liels lietus, bet siens bijis jau nokops. Tad tik māte atminējusies savu bērniņu un, bailēs trīcēdama, ka tam kas jauns nebūtu noticeis, steigusies uz alkšņu pudurīti purva vidū. Pieiet pie bērna, skatās – bērns mierīgi guļ alksnī pakārtā lakanā kā šūpuļi un smaida. Un aiz tā stāvot kāda sieva gaišā ģērbtā un kustinot alksni, lai bērns neraud. Tā bijusi Laima. Māte tai pateikusies, bet Laima bērnam uzdāvinājusi laimi – mazu kastīti ar bezgala skaistiem dārgumiem. Pati nozudusi, bet bērns ar māti nu dzīvojis bez raizēm.

Tanis mājās dzīvojusi otra māte, un tā dabūjusi visu zināt, savu bērnu tīši atstājusi purva vidū. Bet nekā, jo Laima sakot: „Netīši atstāts – laime, tīši – nelaimē vai nekas.”

1731, 6485, Mēmele

EZIS AR ZAĶI IET SKRIETIES

Ezis sarunāja ar savu brāli, otru ezi, zaķi piejokot.

Mežmalā bija dziļš grāvis. Abi eži nostājās viens vienā grāvja galā, otrs otrā, un tad tas ezis, kas šini grāvja galā, teica uz zaķi: „Nu, klausies, zaķi! Tā tu izlielies – liels skrējējs, liels skrējējs, bet man gandrīz prāts tevi noskriet.”

„Ej, ej, ej! Tad lai man ūsas norauj, tam neticēšu.”

„Ko tur ticēt, ko neticēt, derēsim: ja tu mani noskrietu, tad izrauj manam kažokam desmit dzelonju. Ja es tevi noskrietu, tad izraušu no tavām ūsām desmit spalvas. Jā? Vai tā paliek?”

„Zināms! Bet man tikai žēl tava kažoka.”

„Un man atkal tavy ūsu! Bet tad tu nu, zaķi, kā liekās, skriesi pa grāvja malu, es pa grāvja dibenu.”

Labi. Zaķis aizskrēja kā viesulis un karstumā nemaz neapskatījās, vai ezis arī skrien vai ne. Aizskrēja otrā galā, ezis jau priekšā: „Vai dzirdi! Kur tu tik ilgi? Es gandrīz nosalu, tevi gaidīdams.”

„Nē, nē, ezīt, man šoreiz nokļūdījās, skriesim vel atpakaļ!”

„Labi, skriesim!”

Un zaķis aizskrēja kā viesulis. Bet otrā galā atkal ezis jau priekšā. „Vai dzirdi! Ko tu te mani saldē, dod tās ūsas!”

„Nē, nē, nē, ezīt, skriesim vēl tikai šoreiz, kas tad būs, tas būs.”

Zaķis aizskrēja kā viesulis. Bet otrā galā atkal ezis jau priekšā. „Vai dzirdi, dod tās ūsas, vairāk ar tevi nespokošos.”

Neko darit, bija jādod. Ezis izrāva zaķim desmit ūsu spalvas un iebakstīja piecas savam brālim pie lūpām, piecas sev pašam. No tā laika visiem ežiem tādas zaķa ūsiņas pie lūpām.

I.P. V. 59, 1, Uzīni

Reiz saimniece nēma sviestu un sauju miltu un nodomāja izcept varenu rausi. Liekot uz lizes, rausis izskatījies tik garšīgs, ka saimnieces septiņiem bērniem un vectēvam siekalas saskrējušas mutē. Rausis to visu redzēja un sācis domāt, kā no tiem varētu atsvabināties.

Beidzot, kad saimniece rausi izvilka drusku apskatīties, tas nolēcis no lizes un skrējis uz durvju pusi. Durvis bijušas valā, jo bijusi karsta diena. Rausis izripojis pa tām ārā, tad pa ceļu projām, pats nezinādams, kurp. Saimnieces septiņi bērni ar vectēvu skrējuši rausim pakal, bet nevarējuši to panākt.

Pa ceļam rausis staticis gaili, kurš saucis, lai jel šo pagaidot.

„Kad jau saimniece, septiņi bērni un vectēvs mani ķerdami nenoķera, kur tad vēl tu?” teica rausis un ripoja tālāk.

Tad rausis staticis pili, kura saukusi, lai šis pagaidot, bet rausis atteicis: Kad jau saimniece, septiņi bērni, vectēvs un gailis mani ķerdami nenoķera, kur tad vēl tu?”

Beidzot tas staticis cūku, kura piedāvājusi viņu uz sava deguna aiznest. Rausis bijis tā ar mieru, bet, kad apsēdies uz cūkas deguna, cūka to tūliņ apēdusi.

P. Šm. I. 235, Zasulauka

KĀDĒL ZAĶIM PĀRŠĶELTA LŪPA

Kādu dienu dievs sadusmojās uz odiem. Viņš sabāž nekauņas kulē un pavēl zaķim upē noslincināt. Bet upmalē ziņķirīgais zaķitis, garausītis, attaisa mazuliet kuli valā un grib paglūnēt, kas tur iekšā. Te acumirkli viens ods – džinks! – zaķim gar purnu garām un alkšņos iekšā. Tavu postu! Zaķis tomēr ātri apkēries, nosviedis kuli un dzinies odam pakal. Kamēr tā pēc viena skrējis, citi atkal bizojuši čupām no kules laukā un no prieka riņķi vien griezušies. Un no tā laika odi vēl šodien tā mēdz riņķi griezties.

Bet kā lai nu zaķitīs aizbildinās par savu ziņķarību? Nabadziņš bēdās nosēžas uz ciniša un sāk dzīli pārdomāt, ko dievam teikt. No lielām sirdssāpēm zaķitis ielēcis upē sličināties. Te vēzis, kur gadījies, kur ne – knauks! – pāršķelis lūpu lempišam. Bailēs un sāpēs zaķis izlēcis no upes un skrējis un skrējis, kamēr ieskrējis mežā un apmaldījies. Bet lūpa tam vēl šodien pāršķelta.

I. P. I. 171. Džūkste- Pienava

ГУСИ – ЛЕБЕДИ

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

– Доченька, – говорила мать, – мы пойдем на работу, береги братца? Не ходи со двора, будь умницей – мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загуляла. Налетели гуси – лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь – братца нету! Ахнула, кинулась туда – сюда – нету! Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, – братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси – лебеди и пропали за темным лесом. Тут она догадалась, что они унесли ее братца: про гусей – лебедей давно шла дурная слава – что они похищали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела – стоит печь.

– Печка, печка, скажи, куда гуси – лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

– Съешь моего ржаного пирожка – скажу.

– Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше – стоит яблоня.

– Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси – лебеди полетели?

– Поешь моего лесного яблочка – скажу.

– У моего батюшки и садовые не едятся... Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течет молочная река в кисельных берегах.

– Молочная река, кисельные берега, куда гуси – лебеди полетели?

– Поешь моего простого киселька с молочком – скажу.

– У моего батюшки и сливочки не едятся... Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего – надо идти домой. Вдруг видит – стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая баба – яга прядет кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками. Девочка вошла в избушку:

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

– Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

– Садись покуда кудель прядь. Баба – яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядет – вдруг из – под печки выбегает мышка и говорит ей:

– Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренько скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

– Баба – яга пошла баню топить. Она тебя вымоет выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертвa, плачет, а мышка ей опять:

- Не дожидаися, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А баба – яга подойдет к окошку и спрашивает:

- Девица, прядешь ли?

Мышка ей отвечает:

- Пряду, бабушка... Баба – яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба – яга закричала:

- Гуси – лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит – летят гуси – лебеди.

- Речка, матушка, спрячь меня!

- Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла ее под кисельным бережком.

Гуси – лебеди не увидали, пролетели мимо. Девочка с братцем опять побежали. А гуси – лебеди воротились навстречу, вот – вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

- Яблоня, матушка, спрячь меня!

- Поешь моего лесного яблочки. Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня ее заслонила ветвями, прикрыла листами.

Гуси – лебеди не увидали, пролетели мимо. Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси – лебеди увидали ее, загоготали – налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут. Добежала девочка до печки:

- Печка, матушка, спрячь меня!

- Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее – пирожок в рот, а сама с братцем в печь, села в устьице .

Гуси – лебеди полетали – полетали, покричали – покричали и ни с чем улетели к бабе – яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.

ИВАНУШКА – ДУРАЧОК

Был – жил старик со старухой; у них было три сына: двое умные, третий – Иванушка – дурачок. Умные – то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил.

В одно время наварила старуха аржаных клецок и говорит дураку:

- На – ко, снеси эти клецки братьям; пусть поедят.

Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу, увидел свою тень сбоку и думает:

"Что это за человек? Со мной рядом идет, ни на шаг не отстает: верно, клецок захотел?"

И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет.

— Эка ненасытная угроба! — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком —

разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают:

— Ты, дурак, зачем?

— Вам обед принес.

— Где же обед? Давай живее.

— Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек да все и поел!

— Какой такой человек?

— Вот он! И теперь рядом стоит!

Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти; видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдириать. Всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радёхонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле.

— Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?

— Да почто им глаза — то? Как ушли вы, братцы, овцы — то врозвь рассыпались, а я и придумал: стал их ловить, в кучу сбирать, глаза выдириать — во как умаялся!

— Постой, еще не так умаешься! — говорят братья и давай угождать его кулаками; порядком — таки досталось дураку на орехи!

Ни много ни мало прошло времени, послали старики Иванушку — дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка такая, знать, неудалая: везет — не везет!

“А что, — думает себе Иванушка, — ведь у лошади четыре ноги и у стола тоже четыре, так стол — от и сам добежит”.

Взял стол и выставил на дорогу. Едет — едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да все каркают.

“Знать, сестрицам поесть — покушать охота, что так раскричались!” — подумал дурачок. Выставил блюда с яствами наземь и начал потчевать:

— Сестрицы — голубушки! Кушайте на здоровье.

А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушка перелеском; по дороге все пни обгорелые.

“Эх, — думает, ребята — то без шапок; ведь озябнут, сердечные!”

Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь поить, а она все не пьет.

“Знать, без соли не хочет!” — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет.

— Что же ты не пьешь, волчье мясо? Разве задаром я мешок соли высыпал?

Хватил ее поленом, да прямо в голову — и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет — ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки — то говорят: “Иванушка — дурак!” — бросил их и ну топтать да приговаривать:

– Вот вам Иванушка – дурак! Вот вам Иванушка – дурак! Еще вздумали дразнить, егодные! Воротился домой и говорит братьям:

- Все искупил, братики!
- Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки – то?
- А стол – от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ебятам в лесу на головы понадевал, солью – то пойло лошади посолил; а ложки дразнятся так я их на дороге покинул.

– Ступай, дурак, поскорее! Собери все, что разбросал по дороге!

Иванушка пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел а батог корчаг с дюжину всяких: и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; оехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво кадке так и бродит, так и бродит.

– Пиво, не броди! Дурака не дразни! – говорит Иванушка.

Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе азъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушку, зашили в куль и потащили к реке. оложили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать.

На ту пору ехал какой – то барин мимо на тройке бурых; Иванушка и ну кричат:

- Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!
- Постой, дурак, – сказал барин, – я умею и судить и рядить; вылезай из куля!

Иванушка вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. пришли братья, спустили куль под лед и слушают; а в воде так и буркает.

– Знать, бурка ловит! – проговорили братья и побрали домой.

Навстречу им, откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушка, едет да прихвастывает:

- Вот – ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко – такой славный!

Завидно стало братьям; говорят дураку:

- Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...

Опустил их Иванушка – дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев оминать.

Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

ВОЛШЕБНАЯ ВОДИЦА

Жили – были муж с женой. Когда они были молодые, жили хорошо, дружно, никогда не сорились. Но вот пришла старость, и стали они чаще и чаще спорить друг с другом. Старик кажет старухе слово, а она ему – два, он ей – два, а она ему – пять, он – пять, а она – десять. Такая ссора между ними начинается, что хоть из избы убегай.

А разбираться начнут – никто не виноват.

– Что это мы с тобой, старуха, а? – скажет старик.

– Да это ты, старый, ты все!

— И! А не ты ли? Со своим длинным языком?

— Не я, а ты!

— Ты, а не я!

И снова ссора начинается.

Вот стала старуха думать, что делать? Как быть? Как жить со стариком дальше? Пошла она к соседке и рассказала ей про свою беду. Соседка ей говорит:

— Я могу помочь твоему горю. Есть у меня волшебная водица. Как старики начнет кричать, ты возьми в рот немного этой водицы. Но, смотри, не проглоти ее, а держи во рту, пока он не успокоится... И все будет хорошо.

И дала она старухе воды в бутылочке. Старуха поблагодарила и пошла домой.

Только она вошла в дом, а старики сразу начали кричать:

— Где ты была? Что делала? Давно уже пора самовар ставить, чай пить, а тебя нет!

Хотела старуха ответить ему, но вспомнила про совет, взяла в рот воды из бутылочки и не проглотила ее, а стала во рту держать.

А старики видят, что старуха не отвечает, и сам замолчали.

Обрадовалась старуха: «Видно, эта водица — то и действительно волшебная!»

Спрятала она бутылочку с волшебной водицей и самовар стала ставить.

— Что это ты там гремишь? — закричал старики. — Самовар поставить не умеешь!

А старуха хотела ему ответить, да вспомнила совет соседки и опять взяла в рот водицу. Видит старики, что старуха ни словечка ему не отвечает, удивился и... замолчал.

И с тех пор перестали они ссориться и стали жить, как в молодые годы. А все потому, что как только старики начнут кричать, старуха сейчас — за волшебную водицу.

Вот, сила — то в ней какая!

ЦАРЕВНА — ЛЯГУШКА

В старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

— Сынки, мои любезные, покуда я ёшё не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на наших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

— Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

— Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы падут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и ыстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана — царевича, стрела поднялась и улетела сам не знает куда. От он шёл, шёл, дошёл до болота, видит — сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван — царевич говорит ей:

- Лягушка, лягушка, отдана мою стрелу. А лягушка ему отвечает:

- Возьми меня замуж!

- Что ты, как Я возьму себе в жёны лягушку?

- Бери, знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван – царевич. Делать нечего, взял лягушку, принес домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего – на купеческой, а несчастного Ивана – царевича – на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

- Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошлют мне к завтрему по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван – царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка, по полу скачет, спрашивает его:

- Что, Иван – царевич, голову повесил? Или горе какое?

- Батюшка, велел тебе к завтрему рубашку сшить. Лягушка отвечает:

- Не тужи, Иван – царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван – царевич лег спать, а лягушка, прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке, не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван – царевич утром проснулся, лягушка, опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван – царевич, взял рубашку, понес к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

- Эту рубашку, в черной избе носить. Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

- В ней только, в баню ходить.

Иван – царевич развернул рубашку, изукрашенную золотом – серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

- Ну, вот это рубашка – в праздник её надевать. Пошли братья по домам – те двое – и судят между собой:

- Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана – царевича: она не лягушка, а какая – нибудь хитра... Царь опять позвал сыновей:

- Пускай ваши жёны испекут мне к завтрему хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван – царевич голову повесил, пришёл домой. Лягушка, его спрашивает:

- Что закручинился? Он отвечает:

- Надо к завтрему испечь царю хлеб.

- Не тужи, Иван – царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки, сперва – то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку – задворенку, посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка – задворенка прибежала к царским невесткам; все рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

– Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван – царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван – царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понес к отцу. А царь в то время принимал хлебы от боль – ших сыновей. Их жены – то поспускали тесто в печь, как им бабушка – задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отоспал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отоспал. А как подал Иван – царевич, царь сказал:

– Вот это хлеб, только, в праздник его есть. И приказал царь трем своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять вернулся Иван – царевич домой весел, ниже плеч голову повесил. Лягушка, по полу скакет:

– Ква, ква, Иван – царевич, что закручинился? Или услыхал от батюшки слово неприветливое?

– Лягушка, лягушка, как мне не горевать! Батюшка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я, тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

– Не тужи, Иван – царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: "Это моя лягушонка, в коробочонке едет".

Иван – царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурымленными. Стоят да над Иваном – царевичем смеются:

– Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочек её принес. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные – пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрёсся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван – царевич говорит:

– Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка, в коробочонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье – частые звезды, на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать, только, в сказке сказать. Берёт она Ивана – царевича за руку и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки, за правый рукав бросила.

Жёны больших – то царевичей увидали её хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана –

царевича и пошла. Уж она глясала, глясала, вертелась, вертелась – всем на диво. Махнула левым рукавом – вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом – поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом – только гостей забрызгали, махнули другим – только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван – царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушечью кожу и бросил её в печь, сжёг на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась – нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану – царевичу:

– Ах, Иван – царевич, что же ты наделал! Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван – царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят – искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истёр, шапочку дождик исёк. Попадается ему навстречу старый стариочек.

– Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван – царевич рассказал ему про своё несчастье. Старый стариочек говорит ему:

– Эх, Иван – царевич; зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван – царевич поблагодарил старого старика и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идет. В чистом поле попадается ему медведь. Иван – царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван царевич, когда – нибудь тебе пригожусь.

Иван – царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван – царевич! Я тебе пригожусь, Он пожалел селезня и пошёл дальше. Бежит косой заяц. Иван – царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

– Не убивай меня, Иван – царевич, я тебе пригожусь. Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит – на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

– Ах, Иван – царевич, пожалей меня, брось в синеё море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

– Избушка, избушка, стань по – старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван – царевич взошёл в неё и

видит – на печи, на девятом кирпичи, лежит баба – яга, костяная нога, зубы – на полке, а нос в потолок врос.

– Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? – говорит ему Баба – яга. – Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван – царевич ей отвечает:

– Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба – яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван – царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

– Знаю, знаю, – говорит ему Баба – яга, – твоя жена теперь у Кощея Бессмертного.

Трудно её будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кошечей Бессмертный, как свой глаз, бережёт.

Иван – царевич у Бабы – яги переночевал, и наутро она ему указала, где растет высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошёл туда Иван – царевич, видит – стоит, шумит высокий дуб, на нем казённый сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц – и наутек во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся, как ударит её – утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море.

Тут Иван – царевич залился горькими слезами – где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван – царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кошечей Бессмертный бьется, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кошечей, сломал Иван – царевич у иглы конец, пришлось Кошечею помереть.

Иван – царевич пошёл в Кошечевые палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван – царевич с Василисой Премудрой вернулись домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

ВОЛК И КОЗЛЯТА

Жила – была коза с козлятами. Уходила коза в лес есть траву шелковую, пить воду студёную. Как только уйдет – козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

– Козляушки, ребятушки!

Отопритеся, отворитеся!

Ваша мать пришла – молока принесла;

Бежит молоко по вымечку,

Из вымечка по копытечку,

Из копытечка во сырь землю!

Козлятки отопрут дверь и впустят мать. Она их покормит, напоит и опять уйдет в лес, ап козлята запрутся крепко – накрепко.

Волк подслушал, как поёт коза. Вот раз коза ушла, волк побежал к избушке и закричал толстым голосом:

– Вы, детушки!

Вы, козлятушки!

Отопритеся,

Отворитеся!

Ваша мать пришла,

Молока принесла.

Полны копытца водицы!

Козлята ему отвечают:

– Слышим, слышим – да не матушкин это голосок! Наша матушка поёт тонюсеньким голосом и не так причитает.

Волку делать нечего. Пошёл он на кузницу и велел себе горло перековать, чтоб петь тонюсеньким голосом. Кузнец ему горло перековал. волк опять побежал к избушке и спрятался за куст.

Вот приходит коза и стучится:

– Козлятушки, ребятушки!

Отопритеся, отворитеся! Ваша мать пришла – молока принесла;

Бежит молоко по вымечку,

Из вымечка по копытечку,

Из копытечка во сырь землю!

Козлята впустили мать и давай рассказывать, как приходил волк, хотел их съесть.

Коза накормила, напоила козлят и строго – настрого наказала:

– Кто придет к избушечке, станет проситься толстым голосом да не переберет всего, что я вам причитываю, – дверь не отворяйте, никого не впускайте.

Только ушла коза, волк опять шасть к избушке, постучался и начал причитывать тонюсеньким голосом:

– Козлятушки, ребятушки!

Отопритеся, отворитеся!

Ваша мать пришла – молока принесла;

Бежит молоко по вымечку,

Из вымечка по копытечку,

Из копытечка во сырь землю!

Козлята отворили дверь, волк кинулся в избу и всех козлят съел. только один козленочек склонился в печке.

Приходит коза: сколько ни звала, ни причитывала – никто ей не отвечает.

Видит – дверь отворена, вбежала в избушку – там нет никого. Заглянула в печь и нашла там одного козлёночка.

Как узнала коза о своей беде, как села она на лавку – начала горевать, горько плакать:

– Ох, вы детушки мои, козлятушки!

Начто отпиралися – отворялися,

Злому волку доставалися?

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

– Что ты на меня грешишь, кума? Не я твоих козлят съел. Полно горевать, пойдём лучше в лес, погуляем.

Пошли они в лес, а в лесу была яма, а в яме костер горел. Коза и говорит волку:

– Давай, волк, попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Стали они прыгать. Коза перепрыгнула, а волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму.

Брюхо у него от огня лопнуло, козлятки оттуда выскочили, все живые, да – прыг к матери! И стали они жить – поживать по прежнему.

Волк и лиса

Жили волк и лиса. У волка избушка хворостяная, у лисички – ледяная. Пришла ростопель, у лисы избушка растаяла. Явилась лиса к волку на очаг проситься:

– Пусти меня, куманёк, обогреться!

– Мала моя избушка, – говорит волк. – Одному повернуться негде. Куда тебя пущу? Не пустил волк лису.

Явилась лиса другой раз, явилась третий. Заладила каждый день к волку ходить:

– Хоть на приступочку, куманёк, пусти!

Сжался волк, пустил лису. Первую ночь лиса на приступочке спала, на вторую забралась в избу, а на третью на печи развалилась. Волк спит под печью внизу, а лиса на печи. И всю – то ночь сама с собой разговоры разговаривает.

Услыхал волк, спрашивает:

– Кто у тебя, кума?

– Никого, куманёк, нету.

Легли спать, а лиса знай лапкой в печную трубу стучит: „Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!”

Проснулся волк:

– Выйди, кума, спроси: кто там стучится?

Вышла лиса в сени за дверь. А из сеней забралась в кладовушку, где волк запасы берёт.

Стала в кладовушке сметанку да маслице слизывать. Лижет и приговаривает:

– Хороша Волкова сметана! Вкусное маслице!

Вылизала всё маслице и сметанку, муку рассыпала. Вернулась на печь, облизывается.

– С кем ты, кумушка, в сенях разговаривала? – спрашивает волк.

– Это за мной послы приезжали, – отвечает лиса. – Звали меня на свадьбу, на почестный пир. Да отказалась я ехать.

Поверил волк лисе.

Утром задумал волк блины печь. Говорит лисе:

– Я буду дрова носить, печку топить. А ты сходи, кумушка, в кладовушку, посмотри там хорошенъко. Было у меня и маслице и сметанка, была и мучница. Печку затопим, напечём блинчиков.

Попала лиса в волкову кладовушку. вышла из кладовушки, волку говорит.

— Я под старость слеповата стала, вижу плохо — ничего не нашла в твоей кладовушке.

Сходи, куманёк, сам.

Пошёл волк сам в свою кладовушку. На полочки посмотрел, под полочки поглядел: всё в кладовушке подлизано! Вернулся, спрашивает у лисы:

— Не ты ли у меня, кумушка, сметанку и маслице слизала да муку рассыпала?

Стала отрекаться лиса:

— Я слепа и убога. Не видела маслица, не лизала сметанки, не рассыпала твоей муки!

Ещё раз поверил волк хитрой лисе, оставил в избушке жить до весны.

Жила лиса до весны, жила до холодной осени.

И теперь у волка в избушке живёт.

МАША И МЕДВЕДЬ

Жили — были дедушка да бабушка. Была у них внучка Машенька.

Собрались раз подружки в лес — по грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и Машеньку.

— Дедушка, бабушка, — говорит Машенька, — отпустите меня в лес с подружками!

Дедушка с бабушкой отвечают:

— Иди, только смотри от подружек не отставай — не то заблудишься.

Пришли девушки в лес, стали собирать грибы да ягоды. Вот Машенька — деревце за деревце, кустик за кустик — и ушла далеко — далеко от подружек.

Стала она аукаться, стала их звать. А подружки не слышат, не отзываются.

Ходила, ходила Машенька по лесу — совсем заблудилась.

Пришла она в самую глушь, в самую чащу. Видит — стоит избушка. Постучала Машенька в дверь — не отвечают. Толкнула она дверь, дверь и открылась.

Вошла Машенька в избушку, села у окна на лавочку.

Села и думает:

„Кто же здесь живёт? Почему никого не видно?..“ А в той избушке жил большущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил. Вернулся вечером медведь, увидел Машеньку, обрадовался.

— Ага, — говорит, — теперь не отпуши тебя! Будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить.

Потужила Маша, погоревала, да ничего не поделаешь. Стала она жить у медведя в избушке.

Медведь на целый день уйдёт в лес, а Машеньке наказывает никуда без него из избушки не выходить.

— А если уйдёшь, — говорит, — всё равно поймаю и тогда уж съем!

Стала Машенька думать, как ей от медведя убежать. Кругом лес, в какую сторону идти — не знает, спросить не у кого...

думала она, думала и придумала.

Приходит раз медведь из лесу, а Машенька и говорит ему:

– Медведь, медведь, отпусти меня на денёк в деревню: я бабушке да дедушке гостинцев снесу.

– Нет, – говорит медведь, – ты в лесу заблудишься. Давай гостинцы, я их сам отнесу! А Машеньке того и надо!

Напекла она пирожков, достала большой – пребольшой короб и говорит медведю:

– Вот, смотри: я в короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влезу, за тобой следить буду!

– Ладно, – отвечает медведь, – давай короб! Машенька говорит:

– Выйди на крылечко, посмотри, не идёт ли дождик! Только медведь вышел на крылечко, Машенька сейчас же залезла в короб, а на голову себе блюдо с пирожками поставила.

Вернулся медведь, видит – короб готов. Взвалил его на спину и пошёл в деревню.

Идёт медведь между ёлками, бредёт медведь между берёзками, в овражки спускается, на пригорки поднимается. Шёл – шёл, устал и говорит:

Сяду на пенёк,

Съем пирожок!

А Машенька из короба:

Вижу, вижу!

Не садись на пенёк,

Не ешь пирожок!

Неси бабушке,

Неси дедушке!

– Ишь какая глазастая, – говорит медведь, – всё видит! Поднял он короб и пошёл дальше. Шёл – шёл, шёл – шёл, остановился, сел и говорит:

Сяду на пенёк,

Съем пирожок!

А Машенька из короба опять:

Вижу, вижу!

Не садись на пенёк,

Не ешь пирожок!

Неси бабушке,

Неси дедушке!

Удивился медведь:

– Вот какая хитрая! Высоко сидит, далеко глядит! Встал и пошёл скорее.

Пришёл в деревню, нашёл дом, где дедушка с бабушкой жили, и давай изо всех сил стучать в ворота:

– Тук – тук – тук! Отпирайте, открывайте! Я вам от Машеньки гостинцев принёс.

А собаки почуяли медведя и бросились на него. Со всех дворов бегут, лают.

Испугался медведь, поставил короб у ворот и пустился в лес без оглядки.

вышли тут дедушка да бабушка к воротам. видят – короб стоит.

– Что это в коробе? – говорит бабушка.

А дедушка поднял крышку, смотрит и глазам своим не верит: в коробе Машенька
идит – живёхонька и здоровёхонька.

Обрадовались дедушка да бабушка. Стали Машеньку обнимать, целовать, умницей
зовывать.

КУРОЧКА РЯБА

Жили – были дед да баба. Была у них курочка ряба. Снесла курочка яичко, не простое золотое.

Дед бил, бил – не разбил.

Баба била, била – не разбила.

Мышка бежала, хвостиком задела, яичко упало и разбилось.

Дед плачет, баба плачет, а курочка кудахчет:

– Не плачь, дед, не плачь, баба: снесу вам яичко не золотое – простое!

РЕПКА

Посадил дед репку. Выросла репка большая – пребольшая. Пошел дед репку рвать:
нет – потянет, вытянуть не может!

Позвал дед бабку:

бабка за дедку,

дедка за репку –

тянут – потянут, вытянуть не могут!

Позвала бабка внучку:

внучка за бабку,

бабка за дедку,

дедка за репку –

тянут – потянут, вытянуть не могут!

Позвала внучка Жучку:

Жучка за внучку,

внучка за бабку,

бабка за дедку,

дедка за репку –

тянут – потянут, вытянуть не могут!

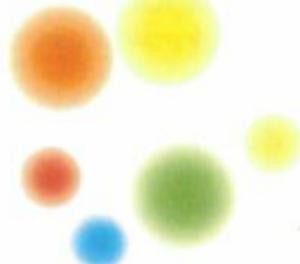
Позвала Жучка кошку:

кошка за Жучку,

Жучка за внучку,
внучка за бабку,
бабка за дедку,
дедка за репку –
тянут – потянут, вытянуть не могут!

Позвала кошку мышку:

мышко за кошку,
кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
внучка за бабку,
бабка за дедку,
дедка за репку –
тянут – потянут, – вытянули репку!

ЛИСА И ЛАПОТЬ

Шла лиса по дорожке и нашла лапоть, пришла к мужику и просится:

– Хозяин, пусти меня ночевать.

Хозяин говорит:

– Негде, лисонька! Тесно!

– Да много ли нужно мне места!

Я сама лягу на лавку, а хвост спрячу под лавку.

Пустил её ночевать. Лиса и говорит:

– Положи мой лапоть к вашим курочкам.

Положил хозяин лапоть в курятник, а лисонька ночью встала и выбросила свой лапоть

в окно.

Поутру встаёт она и спрашивает где мой лапоть?

А хозяева говорят:

– Лисонька, ведь он пропал!

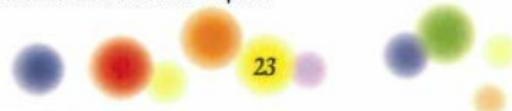
– Ну, тогда отдайте мне за него курочку.

Взяла лиса курочку, приходит в другой дом и просит, чтобы её пустили переночевать. а курочку посадили к хозяйственным гусям.

Ночью лиса припрятала курочку, а утром получила гуся. Идет довольная что всех обманула. Шла она так. шла. Увидела новый дом, и просится переночевать, да говорит, что бы гуся посадили к барабашкам. Опять схитрила, взяла за гуся барабашка и пошла еще в один дом.

Осталась ночевать и просит посадить её барабашка к бычкам. Ночью лисонька украла и барабашка, а поутру требует, чтобы ей отдали бычка. Всех – курочку, гуся, барабашка и бычка – лиса спрятала. Взяла шкуру, набила соломой – получился бычок. Лиса поставила его на дороге.

Идет медведь с волком. а лиса и говорит:

- Идите возьмите сани, да поедем кататься.

Вот они украли сани и хомут, впряжены бычка, все сели в сани. Лиса стала править и
ричит:

- Бычок, соломенный бочок. Сани чужие, хомут не свой, погоняй не стой!
Бычок не идет.

Она прыгнула из саней и закричала:

- Оставайтесь, дураки! – А сама ушла. Медведь с волком обрадовались добыче и
разошлись в разные стороны.

Вот так хитрая лиса всех обманула. А тут мимо бежали собаки, увидели лису да за ней,
такую трёпку ей задали что бы неповадно было обманывать других. Отобрали и курочку,
гуся, баражка и бычка. А лиса так в лес и убежала с потрёпанным хвостом. Так ей и надо!
Не обманывай других.

Izmantotie resursi:

„Latviešu bērnu folklorā”, izdevniecība „Zinātne”, 1973.

Interneta resursi:

www.storybook.ru